

УДК 81-26 (347.78.034)

DOI: 10.18384/2310-712X-2016-4-119-128

К ПРОБЛЕМЕ ПЕРЕДАЧИ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО КОМПОНЕНТА ЮРИДИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ ПРИ ПЕРЕВОДЕ (НА МАТЕРИАЛЕ АМЕРИКАНСКОЙ ПРАВОВОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ)

Ибрагимова К.Г.

*Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет)
125993, г. Москва, Волоколамское шоссе, д. 4, ГСП-3, А-80*

Аннотация. В представленной статье исследуется важность передачи лингвокультурного компонента юридической терминологии для обеспечения адекватного перевода и преодоления межъязыковой лакунарности. Проанализированы взгляды исследователей на вопрос фактора культуры в переводе, делается акцент на необходимости междисциплинарного подхода к юридическому переводу. На примере лингвокультурологического анализа ряда терминов американского права, не имеющих эквивалентов в русском языке, демонстрируется значимость понимания ключевых понятий, присущих иной лингвокультуре и профессиональному юридическому сообществу, для достижения взаимопонимания и предотвращения языковых и культурных конфликтов. Кроме того, обосновывается целесообразность составления англо-русского лингвокультурологического юридическо-го словаря.

Ключевые слова: лингвокультурология, юридическая терминология, безэквивалентность, лакунарность, перевод.

LINGUISTIC-CULTURAL ASPECT OF LEGAL TERMS IN TRANSLATION (BASED ON AMERICAN LAW TERMINOLOGY)

K. Ibragimova

*Moscow Aviation Institute (National Research University)
125993, Moscow, Volokolamskoye shosse, 4, GSP-3, A-80, Russian Federation*

Abstract. The paper explains how important it is to take into account the linguistic-cultural aspect of legal terminology to ensure adequate translation and to overcome crosslingual lacunarity. It analyses various views on the cultural factor in translation, emphasizes the need for the interdisciplinary approach to legal translation. It shows, by means of linguistic and cultural analysis of some incongruent American law terms (i.e. having no equivalents in the Russian language), the importance of understanding the key concepts inherent in a different culture and professional legal community in order to achieve mutual understanding and prevent linguistic and cultural conflicts. In addition, it describes the grounds for expediency of compiling the English-Russian Law Dictionary of Linguistic and Cultural Concepts.

Key words: cultural linguistics, legal terminology, linguistic incongruence, lacunarity, translation.

Известно, что юридический перевод причисляют к одному из наиболее трудных видов специального перевода. Тексты по юриспруденции и праву создаются в одной правовой системе, имеющей собственные правовые понятия и формулировки, а перевод этих текстов предназначается для использования в другой правовой системе со своими правовыми понятиями и терминами. В отличие от терминов технических наук, юридические термины представляют собой абстрактные понятия, тесно связанные с правовой системой государства. Как отмечают исследователи особенностей юридического перевода, основной сложностью этого вида перевода является отсутствие в языках эквивалентных терминологических соответствий, или терминологическая безэквивалентность (*terminological incongruency*), что требует постоянного сравнения правовой системы исходного языка с правовой системой языка перевода [15; 16]. Терминологические несоответствия и несовпадения разных правовых систем ставят перед переводчиком «трудную задачу выстраивания необходимых соответствий в сознании российского читателя» [10, с. 149].

Терминологическая безэквивалентность разных правовых систем может быть обусловлена наличием у юридических терминов лингвокультурного компонента, поскольку право априори отражает исторические события, традиции и культуру народа. Под лингвокультурным компонентом мы понимаем совокупность национально-специфических значений, выступающих в качестве хранилищ социокультурной информации. Переводчики, являясь посредниками в межъязыко-

вой и межкультурной коммуникации, должны преодолеть культурные барьеры между исходным языком и языком перевода, «порождая в языке перевода версию закона, первоначально предназначенного для читателя на исходном языке» [16, с. 193].

Цель настоящей статьи – исследовать степень важности учета лингвокультурного компонента юридических терминов для обеспечения адекватного перевода и преодоления межъязыковой лакунарности в юридическом переводе.

В современных исследованиях особый акцент делается на лингвокультурологическом аспекте перевода, учет которого предполагает выявление различий текста оригинала и перевода, обусловленных не только языковой формой, но и факторами культуры. На рубеже XX и XXI вв. научная парадигма изменяется во многих лингвистических науках, в том числе и в теории перевода. Переводоведы в настоящее время признают, что преобразования на уровне культуры при переводе не менее важны, чем те, что служат успешной коммуникации как цели перевода.

Расхождения не только в языках, но и в культурах, в том числе правовых, разных лингвокультурных общностей, приводят к межъязыковой и межкультурной лексической лакунарности, под которой понимают «значимое отсутствие номинативных средств в языковом образе (картине) мира» [8, с. 38].

Связь культуры и языка ярче всего отражается в лексическом фонде языка, национальная специфика проявляется в юридических терминах, относящихся к безэквивалентной лексике, поскольку в большинстве случа-

ев речь идет о реалиях, присущих той или иной правовой системе. Например, могут возникнуть специфические трудности, связанные с передачей содержания терминов, обозначающих правовые институты, юридические должности, категории и классификации преступлений и т.д. В научной литературе не раз отмечались особые сложности перевода таких юридических терминов англо-саксонского права, как *murder, larceny, felony, misdemeanor, burglary, robbery* и многих других. Так, в предисловии к переводу «Основ уголовного права» британского исследователя права К.С. Кенни, Б.С. Никифоров отмечал, что в процессе перевода приходилось воздерживаться от «терминологического» перевода и давать «словесный» перевод английских терминов, а порой и сохранять английский или латино-английский термин, придав ему русскую форму («фелония», «мисдиминор», «берглерри», «бэйлмент», «mens rea»), чтобы не «дезориентировать читателя, привыкшего связывать с привычным термином определенное содержание, не свойственное соответствующему институту английского уголовного права» [12, с. LVI–LVII].

Для правильного понимания и перевода такой лексики необходимы обширные фоновые знания, умение ориентироваться в правовых системах, тонкостях исходного языка и языка перевода. Недостаточное понимание значения ключевых понятий в сознании носителей юридического языка может привести к недоразумениям в общении и культурологическим ошибкам.

Так, в американской правовой и политической системе широко используется термин *a lame duck, lame-duck*

session, понятный представителям лингвокультурного сообщества США. Очень часто в переводе особенно текстов СМИ термин передается приемом калькирования как *хромая утка, сессия хромых уток*. Такой перенос образа в переводе не только не раскрывает содержание термина, но и дает искаженное представление о нем и возможность нелестного интерпретирования у русскоязычного читателя, не очень знакомого с политической системой США.

Например, «В свой последний год на посту президента Обама сталкивается с проблемой так и остаться «хромой уткой», в то время, как американская общественность фокусируется на том, кто возглавит страну в 2017 году». [5].

Между тем, «хромой уткой» в США традиционно называют президента, чей срок на посту главы государства близится к завершению, а переизбираться он не хочет или же не может (аллюзия на *Lame Duck Amendment* – XX поправка к Конституции США). В английском языке этот термин достаточно нейтрален и не имеет никакого экспрессивно-уничжительного оттенка. Американцы, сравнивая своего президента с хромой уткой, имеют в виду то, что никакие масштабные проекты как во внутренней, так и во внешней политике он, скорее всего, проводить уже не станет, поскольку просто не успеет их завершить.

Конечно, более компактный способ передачи смысла предпочтителен при переводе терминов, но ведь перевод должен передавать не только внешнюю форму, но и максимально раскрывать оттенки значения термина. В этом примере скорее всего без толкования

или переводческого комментария термина не обойтись, чтобы заполнить образовавшуюся при контакте разных лингвокультур лакуну, под которой мы понимаем несопадающий элемент, отражающий национально-культурную специфику определенной лингвокультуры. Переводчик при передаче реалий, слов с лингвокультурным компонентом, сталкивается с дилеммой, заполнить ли лакуну пространственным толкованием или привнесением в текст реалии иной политической и правовой системы, передавая ее при помощи транскрипции / транслитерации или калькирования. Например,

«Ястребов», то есть сторонников жесткой монетарной политики вроде легендарного Пола Волкера, сейчас днем с огнем не сыскать».

«Джанет Йеллен – даже больший «голубь», чем Бен Бернанке».

«Прозвище Йеллен в США – Королева Голубей». [2].

В США *ястребами и голубями (hawks and doves)* называют сторонников жесткого политического курса и мирного мягкого курса соответственно.

Связь культуры и права бывает настолько тесной и сложной, что для того, чтобы разобраться в содержании современных правовых понятий и соотношенных с ними терминов, нужно исследовать историю возникновения и развития правового понятия и факторов, повлиявших на этот процесс. Так, история американского юридического термина *grandfather clause* («дедушкина оговорка») – статья о цензе грамотности в конституциях некоторых южных штатов США [1] дает ключ к пониманию права и культуры Юга США. Эта оговорка давала автоматическое право

на участие в выборах (даже без проверки уровня грамотности) потомкам белых свободных людей. Со временем значение термина менялось, приобретая новый элемент значения: преимущества, связанные с длительностью обладания неким правом. Далее термин в этом значении был заимствован в инвестиционное, международное публичное и частное право. Именно в этом значении термин вошел путем калькирования в терминосистему российского международного частного права [11, с. 278]. Лингвокультурологический анализ этого термина, изучение истории его возникновения, культуры и истории южных штатов США помогают понять связь между разными значениями понятия и правильно его истолковать при переводе.

Лингвокультурологический анализ термина *Philadelphia lawyer* (филладельфийский юрист) показывает, что термин даёт характеристику профессиональных качеств юриста: умный, знающий, блестящий профессионал. По одной версии, этот термин впервые появился в 1788 г., когда Филадельфия была центром образования и культуры Америки. По другой версии, этимология этого выражения связана с поговоркой, появившейся в Новой Англии в начале XIX в., – *«Любая тройка филладельфийских адвокатов выигрывает дело у самого дьявола» (Any three Philadelphia lawyers are a match for the devil)* или *«Это поставит в тупик даже дюжину филладельфийских адвокатов» (It would puzzle a dozen Philadelphia lawyers)* [4]. В наши дни этот термин используется скорее в негативном значении, характеризуя юриста как неэтичного, непорядочного человека [3, р. 1263]. Конечно, переводчику необязательно

настолько подробно знать этимологию каждого термина, но умение понимать коннотацию и объем стоящей за понятием фоновой информации поможет улучшить качество перевода.

В англо-американской лингвокультуре часто употребляется прилагательное *blue* в идиомах, пословицах, фразеологизмах. Некоторые исследователи полагают, что в английской культуре со времён Дж. Чосера синий цвет символизирует верность, что может быть связано с рифмой *true blue* («верный синий / голубой» или «истинно синий»). Синие ленты на одежде жениха и невесты – одно из проявлений этого поверья. Англо-американская свадебная традиция предписывает невесте надеть *something old, something new, something borrowed, something blue* (что-нибудь старое, что-нибудь новое, что-нибудь взятое взаймы и что-нибудь синее) [9].

Компонент *blue* нашел отражение также во многих американских юридических терминах. Например, *blue ribbon jury* – присяжные суда, выбираемые из наиболее выдающихся и хорошо образованных граждан, назначенных судом для решения особо важных или запутанных вопросов, требующих квалифицированного мнения специалиста. Присяжные такого состава не приглашаются для слушания уголовных дел, поскольку это нарушает право подсудимых на жюри присяжных равного уровня [6].

Термин *blue laws* берет свое начало со времени основания колоний Новой Англии, когда пуритане соблюдали священный день отдохновения и так называемые «голубые» законы запрещали им заниматься определенной деятельностью по воскресеньям,

в частности, развлекаться, заниматься спортом и распивать алкогольные напитки. Возможно, названы так потому, что первоначально печатались на голубой бумаге. В некоторых штатах США эти законы были отменены, но их отголоски сохраняются до настоящего времени. Так, в ряде штатов все еще запрещена продажа алкоголя по воскресеньям. Важным аргументом против этих законов в США является то, что они нарушают оговорку в Первой поправке к Конституции о том, что правительство не должно учреждать государственную религию [6].

Название этих законов созвучно названию так называемых законов «голубого неба» (*blue sky laws*) – законов о контроле над капиталовложениями (направленные против «дутых» предприятий в США) [1]. Законы регулируют размещение и продажу ценных бумаг в США и призваны защищать граждан от мошеннических действий корпораций, не имеющих ничего, кроме «голубого неба» [6].

Кроме того, многим американским юридическим терминам свойственна метафоричность. И для правильного толкования и перевода подобных юридических терминов переводчику необходимо разбираться в специфике правовой системы. Так, в основе англосаксонского права лежит важный принцип, состоящий в том, что обвиняемый может быть осужден на основании только лишь допустимых доказательств [7, с. 183–184]. В американском праве существует важная доктрина *плоды ядовитого дерева* (*fruits of the poisonous tree*), по сути являющаяся не просто красивой метафорой, а правилом, в соответствии с которым ограничиваются полномочия полиции, проводящей

дознание, а также должностных лиц, осуществляющих расследование уголовного дела. В соответствии с правилом об исключении доказательств (*the exclusionary rule*) все доказательства, полученные с нарушением конституционных прав обвиняемого, исключают из процесса. Такого рода доказательства в юридической среде называют *плодом ядовитого дерева*. Если признание получено в результате незаконного ареста, то арест будет «ядовитым деревом», а признание его «плодом». Перевести это терминологическое сочетание можно с сохранением яркой метафоры, снабдив ее при необходимости толкованием, либо перевести нейтрально как «доказательства, полученные незаконным путем», утратив при переводе культурный компонент.

Характерной особенностью правоприменения в англосаксонской правовой системе является суждение по аналогии с прецедентом, то есть решением, которое судья вынес по аналогичному делу. Отличительной особенностью судебной системы США является приверженность судей к соблюдению судебных прецедентов. Как отмечают исследователи американской правовой системы, в США любое судебное решение может стать законом, по крайней мере в период его временного действия. Законом является то, что утверждает судья [7, с. 155]. Соответственно, многие терминологические сочетания уголовно-правовой системы США содержат ономастический компонент, как правило, фамилию лица, фигурировавшего по тому или иному делу. Обычно это так называемое *landmark decision* – принципиально новое решение, служащее прецедентом, решение, являющееся вехой

в прецедентной практике. Например, *Miranda rule, Fatico hearing, Falconer error, Brady Act, Megan's law, Arbuckle Rights* и другие. Такие терминологические сочетания представляют определенную трудность для перевода, поскольку иногда их приходится сопровождать пояснениями или толкованиями.

Наиболее известным примером таких терминов является термин *Miranda rule* или *Miranda warning* (*правило Миранды*), уже достаточно хорошо знакомое понятие для русскоязычного реципиента и часто встречающееся в прессе, художественной литературе или фильмах. Термин назван по фамилии фигуранта известного судебного дела «Эрнесто Миранда против штата Аризона» и обозначает всю совокупность правил, принятых Верховным судом США и направленных на устранение незаконных методов ведения допроса арестованного.

Термин *Megan's Law* обозначает закон, согласно которому местные власти должны оповестить граждан, о том, что в их районе проживает лицо, осужденное за совершение сексуального преступления и отбывшее тюремное наказание, и назван по имени семилетней девочки из Нью-Джерси Меган Канка, которая была изнасилована и убита дважды осужденным за подобные преступления человеком, жившим недалеко от ее дома.

Таких терминов очень много в американской юридической терминосистеме и число их постоянно пополняется за счет возникновения новых прецедентных дел, которые не только закрепляются в юридической практике, но и освещаются в прессе (например, поправка Джексона-Вэника, список Магнитского и др.).

Поправка Джексона-Вэника (*the Jackson-Vanik Amendment*) содержится в главе IV Закона о торговле (*Trade Act of 1974*) США и была названа в честь ее авторов – сенатора Генри Джексона (*Henry Jackson*) и конгрессмена Чарльза Вэника (*Charles Vanik*), которые содействовали внесению поправки. Согласно поправке, режим наибольшего благоприятствования может быть распространен только на те страны с нерыночной экономикой, эмиграционный режим которых признавался либеральным. Поводом к принятию поправки послужила, в частности, практика ограничения выезда лиц еврейской национальности из СССР [5].

Законопроект о «списке Магнитского» предусматривает введение визовых и экономических санкций в отношении россиян, причастных, по мнению американской стороны, к нарушениям прав человека [5].

Таким образом, лингвокультурные аспекты могут различными способами репрезентироваться в речи или тексте в виде лексики с культурным или национально-специфическим компонентом, реалий, коннотаций, аллюзий и т.д. Юридическая терминология, как пласт лексики, хранящий «осколки» исторических решений и важнейших событий, не является исключением. В юридических терминах, как в зеркале, отражаются отблески истории и культуры народа. По замечанию Д. Блэка, «право есть культура, а культура есть право – вот тот тезис, который вместе с идеей прямой обусловленности права культурными факторами возник вместе с правом и, следовательно, в той же степени стар, как и само право» [14, р. 63]. Каждая правовая система представляет собой «уникальную ин-

дивидуальность» [14], в значительной мере обусловленную соответствующим уровнем развития культуры, и варьируется в зависимости от особенностей культуры.

Подводя итог, можно заключить, что юридические термины с лингвокультурным компонентом укладываются в концептуальную картину мира юристов, представляющих определенную правовую культуру. Но специалисты, работающие в другой правовой системе, и тем более переводчики, занимающиеся переводом юридических текстов, могут не знать определенных правовых реалий другой законодательной системы. Следовательно, дополнительные пояснения о специфике таких терминов могут существенно облегчить понимание англоязычных терминосистем. В этой связи, на наш взгляд, представляется целесообразным рассмотреть возможность составления англо-русского лингвокультурологического юридического словаря.

Многие проблемы перевода юридических текстов, обусловленные спецификой правовых систем, можно разрешить, применяя междисциплинарный подход на пересечении лингвистики, юриспруденции и переводоведения, а также в русле сравнительно недавно возникшего направления юрислингвистики или юридической лингвистики. О целесообразности такого подхода говорит М.Г. Гамзатов, отмечая, что так можно «разрешить множество юридико-лингвистических коллизий, которые связаны со спецификой правовых систем разных стран, в том числе с учетом правовых реалий, лакунарности и безэквивалентной лексики» [10, с. 4].

В процессе международно-правовой коммуникации важно избежать

ситуаций непонимания, добиться равной интерпретации юридических понятий и терминологии всеми сторонами делового и правового общения. Переводчик является ключевым участником международной правовой коммуникации и его главной задачей является обеспечение понимания между представителями разных лингвокультурных сообществ. Совершенно очевидно, что для профессионального переводчика чрезвычайно важно не только владеть иностранным языком, но и понимать национальную-культурную составляющую другой лингвокультуры.

О.Ю. Кузнецов, изучавший статус переводчика в российском уголовном судопроизводстве, отмечал, что по результатам проведенного им исследования 200 уголовных дел, в судопроизводстве по которым принимали участие переводчики, в подавляющем большинстве случаев (126 дел) суд обращался к переводчику за получением разъяснений относительно смысла национальных обычаев, содержания религиозных верований и праздников, правил социально значимого поведения этноса, представителем которого является субъект процессуальных правоотношений и т.д. Исследователь предлагает законодательно закрепить за переводчиком право, помимо про-

чего, «давать объяснения содержащихся в переводимом тексте слов и словосочетаний, аналогов которым нет в языке судопроизводства». Включение этого положения в текст УПК РФ, по его мнению, «позволит следственным работникам на вполне законных основаниях использовать не только одни лингвистические, но также и этнологические, религиоведческие и бытовые познания переводчиков, требовать и получать от них не просто устные пояснения, но и письменные комментарии (разъяснения) к переводным текстам, которые будут иметь статус процессуального документа» [13, с. 198–199]. Этот пример еще раз подтверждает постулат о тесной связи языка, культуры и права, как одного из основополагающих компонентов национальной культуры.

Несмотря на происходящий процесс унификации международных правовых норм, гармонизацию законов и сближение правовых систем, многие понятия, юридические традиции и институты, которые формировались столетиями в правовых системах разных стран, вряд ли исчезнут в ближайшем будущем. Таким образом, останутся и проблемы, сопровождающие перевод юридической терминологии, отражающей специфику уникальных правовых явлений.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ:

Источники:

1. Андрианов С.Н., Берсон А.С., Никифоров А.С. Англо-русский юридический словарь. М.: Русский язык при участии ТОО «Рея», 1993. 509 с.
2. Зотин А. Какую сделку Обама предлагает Америке. Коммерсантъ Деньги. 2013. № 40 (948).
3. Bryan A. Garner. Black's Law Dictionary (9th ed.). WEST. A Thomson Reuters business, 2009.
4. Вокабула [сайт]. URL: <http://www.вокабула.рф/словари>
5. РИА Новости [сайт]. URL: <http://ria.ru>
6. US Legal. Definitions [сайт]. URL: <http://definitions.uslegal.com>

Литература:

7. Боботов С.В., Жигачев И.Ю. Введение в правовую систему США. М.: Издательство НОРМА, 1997. 333 с.
8. Быкова Г.В. Лакунарность как категория лексической системологии. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2003. 276 с.
9. Воевода Е.В. Цветовосприятие и ассоциативные поля в русском и английском языках // Научный Вестник ВГАСУ. 2012. № 2. С. 113–123.
10. Гамзатов М.Г. Лингвистическая и сравнительно-правовая интерпретация и перевод юридической лексики. СПб.: Изд-во С. Петерб. ун-та, 2012. 388 с.
11. Иконникова В.А. Возникновение и развитие культурного компонента в англоязычной юридической терминологии (на материале терминосистем Англии, Шотландии и США): дисс. ... док. филол. наук. М., 2014. 496 с.
12. К.С. Кенни. Основы уголовного права. [Outlines of Criminal Law]. М.: Изд-во иностранной литературы. 1949. LVII. 599 с.
13. Кузнецов О.Ю. Переводчик в российском уголовном судопроизводстве: Монография. М.: Изд-во МПИ ФСБ России, 2006. 256 с.
14. Black Donald. The Behavior of Law. London: Academic Press, 1976. [Электронный ресурс]. URL: <http://lawtoday.ru/razdel/biblio/tgp/074.php> (дата обращения 14.03.2016)
15. Cao Deborah. Legal Translation // Handbook on Translation Studies. Volume 1. Ed. by Yves Gambier and Luc van Doorslaer. John Benjamins Publishing Company. Amsterdam / Philadelphia. pp. 191–195. 2010. 468 p.
16. Sarcevic Susan. New Approach to Legal Translation. KLUWER Law International, The Hague, London, Boston, 1997. 308 p.

REFERENCES

1. Andrianov S.N., Berson A.S., Nikiforov A.S. Anglo-russkii yuridicheskii slovar' [The English-Russian law dictionary]. М., Russkii yazyk pri uchastii TOO «Reya», 1993. 509 p.
2. Zotin A. Kakuyu sdelku Obama predlagaet Amerike. 14.10-20.10 [What kind of deal Obama offers America. 14.10-20.10] // Kommersant" Den'gi. 2013. no. 40 (948). P. 10.
3. Bryan A. Garner. Black's Law Dictionary (9th ed.). WEST. A Thomson Reuters business, 2009.
4. Vokabula [sait]. [Vocabula [website]]. URL: <http://www.вокабула.рф/словари>
5. RIA Novosti [sait]. [RIA News [website]]. URL: <http://ria.ru>
6. US Legal. Definitions [sait]. [US Legal. Definitions [website]]. URL: <http://definitions.uslegal.com>
7. Bobotov S.V., Zhigachev I.YU. Vvedenie v pravovuyu sistemu SSHA [Introduction to the US legal system]. М., Izdatel'stvo NORMA, 1997. 333 p.
8. Bykova G.V. Lakunarnost' kak kategoriya leksicheskoi sistemologii [Lacunarity as a category of lexical systemology]. Blagoveshchensk, Izd-vo BGPU, 2003. 276 p.
9. Voevoda E.V. Tsvetovospriyatie i assotsiativnye polya v russkom i angliiskom yazykakh [Colour perception and associative fields in Russian and English] // Nauchnyi Vestnik VGASU. 2012. no. 2. pp. 113-123.
10. Gamzатов M.G. Lingvisticheskaya i sravnitel'no-pravovaya interpretatsiya i perevod yuridicheskoi leksiki [Linguistic and comparative legal interpretation and translation of legal vocabulary]. SPb., Izd-vo S. Peterb. un-ta, 2012. 388 p.
11. Ikonnikova V.A. Voznikновение i razvitie kul'turnogo komponenta v angloyazychnoi yuridicheskoi terminologii (na materiale terminosistem Anglii, Shotlandii i SSHA): diss. ... dok. filol. nauk [The emergence and development of cultural component in English legal

- terminology (study of England, Scotland and the United States terms system): doctorate thesis in Philology]. М., 2014. 496 p.
12. Kenni K.S. *Osnovy ugovnogo prava* [Outlines of Criminal Law]. М., Izd-vo inostrannoi literatury, 1949. 599 p.
 13. Kuznetsov O.YU. *Perevodchik v rossiiskom ugovnom sudoproizvodstve: monografiya* [Translator in the Russian criminal proceedings: a monograph]. М., Izd-vo MPI FSB Rossii, 2006. 256 p.
 14. Black Donald. *The Behavior of Law*. London: Academic Press, 1976. [E-source]. URL: <http://lawtoday.ru/razdel/biblo/tgp/074.php> (request date 14.03.2016)
 15. Cao Deborah. *Legal Translation // Handbook on Translation Studies. Volume 1*. Ed. by Yves Gambier and Luc van Doorslaer. John Benjamins Publishing Company. Amsterdam / Philadelphia. pp. 191–195. 2010. 468 p.
 16. Sarcevic Susan. *New Approach to Legal Translation*. KLUWER Law International, The Hague, London, Boston, 1997. 308 p.
-

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ибрагимова Карине Грачиевна – старший преподаватель кафедры теории и практики перевода факультета иностранных языков Московского авиационного института;
e-mail: carina.ibragimova@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Karine G. Ibragimova – senior lecturer at the Translation Theory and Practice Department, Foreign Languages Faculty, Moscow Aviation Institute;
e-mail: carina.ibragimova@gmail.com

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Ибрагимова К.Г. К проблеме передачи лингвокультурного компонента юридических терминов при переводе (на материале американской правовой терминологии) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2016. № 4. С. 119–128.

DOI: 10.18384/2310-712X-2016-4-119-128

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

K. Ibragimova. Linguistic-cultural aspect of legal terms in translation (based on American law terminology) // Bulletin of Moscow State Region University. Series: Linguistics. 2016. no. 4. pp. 119–128.

DOI: 10.18384/2310-712X-2016-4-119-128